

О СЕНЬЮ 1848 года, находясь в Петербурге, Н. В. Гоголь обратился к своему приятелю А. А. Комарову с просьбой устроить ему встречу с молодыми писателями. Вот как изображает эту встречу в своих записках И. И. Панаев:

«Гоголь приехал в половине одиннадцатого, отказался от чая, гозоря, что он его никогда не пьет, взглянул бегло на всех, подал руку знакомым, отправился в другую комнату и разлегся на диване. Он говорил мало, вяло, нехотя, распространяя вокруг себя какую-то неловкость, что-то принужденное. Хозяин представил ему Гончарова, Григоровича, Некрасова и Дружину. Гоголь несколько оживился, говорил с каждым из них об их произведениях, хотя было очень заметно, что не читал их...»

От укина, к величайшему огорчению хозяина дома, он также отказался. Вина не хотел пить никакого, хотя тут были всевозможные вина.

— Чем же вас угощать, Николай Васильевич? — сказал наконец в отчаянии хозяин дома.

— Ничем, — отвечал Гоголь, потирая свою бородку: — Впрочем, пожалуй, дайте мне рюмку малаги.

Одной малаги именно и не находилось в доме. Было уже между тем около часа, погреба все заперты... Однако хозяин разослал людей для отыскания малаги.

Но Гоголь, изъявив свое желание, через четверть часа объявил, что он чувствует себя не очень здоровым и поедет домой.

— Сейчас подадут малагу, — сказал хозяин дома, — погодите немного.

— Нет, уж мне не хочется, да и тому же поздно...

Хозяин дома, однако, умолил его подождать малаги. Через полчаса бутылка была принесена. Он налил себе полрюмки, отведал, взял шляпу и уехал, не смотря ни на какие просьбы.

А теперь процитируем повесть Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели»:

«Да не хочешь ли подирепиться — а? так, эдак... рюмочку маленькую чего-нибудь, чтобы согреться...»

— Малаги бы я выпил теперь, — простонал Фома, снова закрывая глаза.

— Малаги? навряд ли у нас и есть, — сказал дядя, с беспокойством смотря на Прасковью Ильиничну.

— Как не быть! — подхватила Прасковья Ильинична, — целые четыре бутылки остались, — и тотчас же, гремя ключами, побежала за малагой, напутствуемая криками всех дам, облепивших Фому, как мухи варенье. Зато господин Вахчев был в самой последней степени негодования.

— Малаги захотел! — проворчал он чуть не вслух. — И вина-то такого спросил, что никто не пьет! Ну, кто теперь пьет малагу, кроме такого же, как он, подлеца? Тыфу, вы, проклятые! Ну, я-то чего тут стою? чего я-то тут жду?»

Но записки И. И. Панаева были опубликованы впервые в 1860 году, а «Село Степанчиково» вышло в свет в 1859-м, приступил же к работе над повестью Достоевский еще на два года раньше. Сравнивая эти два отрывка, русский эмигрант Юрий Эммануилович Маргулиес (1902—1971), дипломат, литературовед, языковед и переводчик (за несколько лет до его смерти я написал ему в Женеву, и он сообщил, что собрал уникальную библиотеку русских книг, —

где она сейчас?), выдвинул гипотезу: Достоевский сам присутствовал среди приглашенных молодых литераторов на вечере у Комарова осенью 1848 года, где единственный раз в своей жизни видел Гоголя, и описанную Панаевым сцену он воспроизвел по личному, непосредственному воспоминанию. (Статья Ю. Маргулиеса «Встреча Достоевского и Гоголя» была напечатана в 1963 году в нью-йоркском альманахе «Воздушные пути».)

Конечно, это — гипотеза, хотя автор и приводит ряд убедительных соображений в ее пользу, не говоря уже о том, что она служит как бы недостающим звеном для книги Ю. Н. Тынянова «Достоевский и Гоголь (К теории пародии)». Однако ни в одной из биографий Достоевского, вышедших у нас за последние тридцать лет, нет и намека на эту гипотезу. Но у нас нет еще и научной биографии Достоевского. И не будет — пока мы не выявим весь круг современ-

Вит. 203084-1992.-23 ден (252)-С.Б.

Окружение Достоевского

Готовится уникальный биографический словарь

ников писателя, лично знавших его, встречавшихся с ним.

Так у меня возникла идея составить биобиблиографический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение», поддерживаемая Публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

При реконструкции имен мы имеем два главных источника: переписку Достоевского и воспоминания о нем. Но если первый источник не вызывает сомнений, хотя и нуждается, естественно, в уточнениях, то второй может дать самые неожиданные результаты. В качестве примера сошлюсь на дневниковые записи обрусевшего немца Ф. Фидлера, опубликованные в восьмом номере «Нового мира» за 1985 год, которые при тщательной проверке оказались абсолютным вымыслом.

Работая над словарем, я обнаружил в печатных источниках массу ошибок, неточностей, пропусков или просто опечаток в датах жизни даже ближайшего окружения писателя. Например, комментаторы недавно вышедшего двухтомника «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников» так и не смогли узнать, когда же умер барон Александр Егорович Врангель, семипалатинский

друг писателя, автор замечательных по полноте мемуаров о ссыльном Достоевском, о его первой большой любви «Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854—56 гг.». (СПб., 1912).

Дали результат поиски по генеалогической линии старинного прибалтийского рода баронов Врангелей. В Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина имеется трехтомный генеалогический справочник прибалтийского рыцарства, в первом томе которого (вышел в 1930 г.) я и нашел место и точную дату смерти Врангеля: Дрезден, 12 сентября 1915 года.

Самые трудные случаи в работе над справочником — это реконструкция са-

в ЦГАЛИ воспоминания этого офицера и узнать фамилию сокамерника писателя. Вот любопытный отрывок из этих мемуаров:

«...Когда утром я пришел на дежурство, то служитель, который сменялся, сказал мне, что у нас двое новых сидят. «Один из них писатель», — прибавил он.

— А почему ты знаешь? — спросил я.

— А они мне сами об этом сказывали.

Посмотрел в реестр заключенных, вижу фамилии и в самом деле Достоевский и Александров. <...>

Захожу в камеры, а они оба сидят на койке взлохмаченные, не умытые и режут в карты. Карты и игры у нас в заведении запрещались начальством и при упущении строго взыскивалось с виновных. Я к ним и обращаюсь: «Нельзя, мол, господа, здесь в карты играть», а Достоевский собрал карты, сжал колоду в руке и говорит:

— Милый человек, мы о судьбе своей гадаем, разве не разрешается это? <...> Голубчик, ты вот из дома, от жены, от детей пришел; отстоишь свое время, да и опять к ним, а как нам быть? О домашних ничего не знаешь, жена не приходит второй день, — брошишь на картах и легче станет ведь.

<...>

Я тогда почему-то думал, что Достоевский из жидов. С наружности он что ли на них походил — не знаю, но будто не русской крови, это я после слышал...

Как-то заметил я, что Достоевский молится на ночь. Станет в темном углу и долго стоит, сложив руки на груди, а когда кончит молитву, опустится на колени, поклонится, достанет крест натальный, пошеплет и сейчас же спать ложится, чтобы не было разговоров...»

Теперь надо попытаться найти в фондах полицейского управления в ЦГИА фамилию этого любопытного надзирателя-мемуариста.

Конечно, я буду благодарен отечественным и зарубежным литературоведам за любую помощь в раскрытии имен. Буду рад, если найдутся и спонсоры, которые помогут мне поработать в зарубежных архивах, в местах, где жил в Европе Достоевский, и примут участие в издании словаря объемом 50—60 листов к ноябрю 1996 года, когда исполнится 175 лет со дня рождения великого русского писателя.

С. В. БЕЛОВ,

профессор,

доктор исторических наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ